

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вестник
Омского
университета**

4(26)

Омск - 2002

ство склонности большинства русских людей к фатализму, пассивности, иррациональности, безынициативности, как полагает А. Вежбицкая.

Между языковой картиной мира, малым фрагментом которой является рассмотренная Т.И. Стекловой категория, и мировидением, философией, психологией человека (носителя языка) нет одно-однозначного соответствия, смыслового тождества. Русский язык, отличающийся богатством проявлений категории невольности осуществления, не навязывает личности, носителю языка, пассивный способ поведения и мышления; он лишь предлагает семантические варианты, правила выбора из этих вариантов, вполне подконтрольные человеку, говорящему и думающему по-русски.

М.П. Одинцова,
канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка ОмГУ.

Рецензия на монографию: Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е годы). (Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001).

Книга томских филологов Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой посвящена проблемам изучения русского романтизма. На основе творчества В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя, а также ранее не исследованного материала (из личной библиотеки и архива В.А. Жуковского и архива Г.С. Батенькова, хранящихся в НБ ТГУ) предпринята попытка осмысления организационной связи нравственно-эстетических исканий русского романтизма с религией.

Эта работа является, по существу, первым опытом монографического исследования религиозной темы, религиозных мотивов в эстетике и творчестве В.А. Жуковского. К творчеству первого русского романтика, в том числе к произведениям, замалчиваемым ранее нашим литературоведением, обращены написанные Ф.З. Кануновой главы «О соотношении религиозного и художественного сознания в русской литературе 30 - 40-х годов (Жуковский и Гоголь)», «Оппозиция наполеонизма и христианства в мировоззрении и творчестве Жуковского и его современников (наполеоновский сюжет в лирике В.А. Жуковского)», «Проблема жизнестроения в «Агасфере» В.А. Жуковского (библейская основа поэтики поэмы)».

Раздумья поэта о религиозных проблемах осмыслены исследовательницей в контексте большого архивного материала, что позволило конкретизировать динамику творческого процесса, наглядно увидеть мировоззренческие установки автора. Чтобы дать представление о зрелом, сложившемся Жуковском, приведем цитату из письма от 1850 г.: «Все, что церковь нам дала один раз навсегда, то мы должны принять безусловно верно также один раз навсегда. В это дело нашему уму не следует мешаться; ему принадлежит только акт этого принятия или, вер-

нее, протокол этого принятия и потом применение к практической жизни. Иной философии быть не может, как философия христианства, которой смысл от Бога к Богу...».

Показывая процесс формирования поздней эстетики Жуковского, Ф.З. Канунова приходит к утверждению: «Важнейшее значение религиозного сознания в эстетике состояло в том, что оно освобождало художника от абсолютизации причинно-следственной зависимости. Социально-исторический детерминизм дополнялся и заменялся детерминированностью человеческого бытия высшим и вечным нравственным законом». «Есть в нас ни от времени, ни от обстоятельств совсем не зависящее», - писал Г.С. Батеньков, по замечанию авторов, не только поэт и эстетик, но и ученый, создававший труды по истории, этнографии, статистике, экономике Сибири. Обладая энциклопедическими познаниями, он, тем не менее, как и Жуковский, акцентировал абсолютные, вневременные ценности, что убедительно показано И.А. Айзиковой в главах, посвященных творческому наследию этого человека исключительной судьбы.

Важнейшей методологической проблемой, которой уделено особое внимание в исследовании, по мысли авторов, является проблема природы человека, идея его духовной свободы, сакральной в своей сущности. Так, одна из глав книги посвящена «лебединой песне» Жуковского, поэме «Агасфер», творением которой, как известно, полуслепой поэт кончал свою жизнь. Образ главного героя поэмы воплощает мучительно обретаемое из бездны греха духовное совершенствование. Богообидчик Агасфер, повторив архетипическое падение человека, приходит к покаянию благодаря Божественному Откровению:

*... В языке нет слова,
Чтоб имя дать подобному мгновению,
Когда с очей души вдруг слепота
Начнет спадать, и Божий светлый мир
Внутри и вне ея, как из могилы,
Начнет с ней вместе воскресать.*

Именно глубоко воспринятая Жуковским философия христианства, определившая поэтику и нравственно-эстетический пафос поэмы, как считает Ф.З. Канунова, позволила поэту создать христианский тип Агасфера, который оказался единственно противостоящим демоническому типу романтической культуры.

Подытоживая размышления о религиозной основе соотношения романтизма и реализма, авторы монографии приходят к выводу, что христианство смогло стать основой и русского романтизма, и реализма потому, что оно «не уводило от жизни, а было нравственной опорой ее». На наш взгляд, утверждение это глубоко созвучно убеждениям русского православного философа И. Ильина, писавшего о соотношении религии и культуры: «19-й век дал России дивный расцвет духовной культуры. И расцвет этот был создан людьми, «окормленными» духом Православия, но творившими совершенно свободно, «отпущенными» в мир для свободного созерцания и труда... и если мы пройдем мыслию от Пушкина к Лермонтову,

Гоголю, Тютчеву, Толстому, то мы увидим гениальное цветение духа из корней Православия».

Особая ценность книги Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой в том, что они сумели осмыслить и показать значимость личности и творчества В.А. Жуковского как для современников (Гоголя, Батенькова, Тютчева, преклонявшихся перед духовным ликом этого замечательного человека), так и для философов начала 20-го века (В.Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова). Наследие поэта обретает актуальность и в наши дни, и нам, вслед за Тютчевым, уместно задаться вопросом:

... души высокий строй,

*Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?*

Думается, что прекрасная книга томских ученых содержит ключ к верному пониманию и должной оценке творчества первого русского романтика.

И.Л. Горынина,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ОмГУ.

Юрьевский - Дерптский - Тартуский университет и Сибирь.

В 2002 г. исполнилось 200 лет со дня основания Тартуского университета, носившего ранее, в связи с неоднократными переименованиями города, наименование, соответственно, Юрьевского и Дерптского. Созданный в провинциальном эстонском городе, этот университет, однако, давно уже своей известностью и славой перешагнул границы Эстонии и стал одним из авторитетнейших учебных заведений и научных центров Российской империи, Советского Союза, да и всей Европы. Славу университету в Тарту составили прежде всего представители гуманитарного знания. И в этих кратких заметках, ни в коем случае не претендующих на полноту освещения заявленной темы, я хочу остановиться на контактах тартуских учёных с их сибирскими коллегами как раз на поприще гуманитарных наук: истории, языка, литературы.

С 90-х годов XIX в. и по 20-е годы XX в. профессором Дерптского университета служил Евгений Францевич Шмурло, известный историк, автор нескольких десятков работ по русской литературе, истории и географии Российской империи, в том числе обобщающего труда «История России», впервые вышедшего в Мюнхене в 1922 г. и недавно переизданного в нашей стране [1].

Судьба дворянского рода Шмурло, а частично и научная и общественная деятельность Евгения Францевича связаны с Сибирью. Отец Евгения Францевича Франц Иосифович Шмурло, литовец по происхождению, был военным. В 1841 г. он переводится по службе в Оренбургскую губернию, здесь в 1851 г. женится на Раисе Корнильевне Покровской, представительнице известного в Челябинске дворянско-

го рода, в 1866 г. в чине генерал-майора выходит в отставку и поселяется в зауральской деревне Васильевке. Деревня Васильевка существовала до 1965 г. и входила по нынешнему административному делению в Юргамышский район Курганской области. У Франца Иосифовича было шестеро детей. Евгений - его старший сын [2]. Он родился в Челябинске в 1853 г., закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, преподавал в средних и высших заведениях Петербурга, в том числе в университете, где после защиты магистерской диссертации «Митрополит Евгений как учёный» с 1889 по 1891 г. служил приват-доцентом. В июле 1891 г. Е.Ф. Шмурло получил место профессора Дерптского университета по кафедре русской истории. В этот период он занимается преимущественно историей русско-итальянских связей. Работал в архивах и библиотеках Москвы, Петербурга, Киева, Венеции, Рима, Парижа. Был членом-корреспондентом Российской академии наук (с 1911 г.) [3], членом Русского географического и археологического обществ, почётным доктором Падуанского университета, почётным членом ряда учёных обществ и архивных комиссий, а также Семипалатинского областного статистического комитета [3]. Последнее звание связано с тем, что Евгений Францевич не раз совершал поездки в Западную Сибирь и Казахстан.

Одна из таких поездок была им предпринята летом 1891 г., как раз после назначения его профессором в Дерпт. В родных местах он присутствует на бракосочетании одной из своих родственниц и одновременно с тревогой наблюдает начало грозного бедствия: нашествие саранчи и засуха грозили голодом. И действительно, Челябинский уезд, в который входили тогда родные места профессора, зимой 1891 - 1892 гг. был охвачен страшным голодом. В конце первого семестра учебного года Евгений Францевич снова приезжает из Дерпта в Васильевку и принимает посильное участие в борьбе с народной нуждой, в частности, старается привлечь к бедствию внимание общественности. И в этом году, и несколько лет спустя, когда голод повторился, учёный не только собирает пожертвования в пользу голодающих, но и публикует большую серию ярких статей в периодической печати [5].

Евгений Францевич был не только историком, литературоведом и общественным деятелем, но и путешественником, географом и этнографом. В 80 - 90-х гг. XIX в. и в начале XX в. он публикует в России и во Франции ряд исследований о географии и этнографии Западной Сибири, Алтая и Казахстана [6]. Две его довольно большие работы по этой тематике были опубликованы в Омске [7].

Революционные бури не миновали и семью Евгения Францевича. В 1916 г. Евгений Францевич последний раз побывал в родных западносибирских местах, где жил тогда, в частности, его брат Геннадий Францевич, владевший винокуренным заводом в селении Воскресенском (ныне посёлок Красный Уралец Юргамышского района Курганской области). В 1919 г. Геннадий Францевич бежал с отступающими войсками Колчака, дальнейшая судьба его осталась неиз-